4 февраля 1988 г.
СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва

ДОЖНИК И ВРЕМЯ

БЕСЕДЫ О МАСТЕРСТВЕ

Татьяна Догилева:

НАДО, ЧТОБЫ ТЕБЕ ПОВЕЗЛО

Она была узнаваемой во всем — в одежде, интонациях, жестах, смехе. Дитя московских рабочих окраин, девчонка, выхваченная из толпы, «уличная» стихия которой доверчиво распахнута равно как приятию, так и осуждению,— это «ранняя» Догилева. Критики разом заговорили о возникшем в кино новом социальном типе. Зрители ждали фильмов с ее участием. Режиссеры увидели в абсолютной естественности и раскованности молодой актрисы примету времени, черты современницы.

Лишь очень немногие разглядели за «моделью» личность, за комедийностью игры — способность к глубокому психологизму, за внешней характерностью — героиню социальной драмы. Эльдар Рязанов не только все это разглядел, но и перелил в некое новое качество — в его фильме «Забытая мелодия для флейты» Татьяна Догилева сыграла одну из своих лучших ролей. По словам критиков, она вошла «в сонм современных «звезд». Но так ли прост был путь к признанию? Что стоит за внешними обстоятельствами ее биографии? Как складывается ее творческая судьба? И что такое вообще — Роль в жизни актрисы?

— Ловлю себя на мысли, что от «Покровских ворот» и «Блондинки за углом» до «Забытой мелодии» прошло лет пять-шесть. И актриса Татьяна Догилева изменилась — прошла какая-то скрытая от нас жизнь, что-то новое нажито, накоплено. Тогда, наверное, и приходит Роль, которую, кажется, не можешь не сыграть?

— Не можешь не сыграть... Я могла ее запросто не сыграть, если бы Рязанов меня не утвердил. Знаете, сейчас как-то все разговорились. Так все глобально мыслят, предъявляют столько претензий к актерам, не прощают им малейших неудач и не думают при этом, что актер — очень зависимый человек, какого бы уровня он ни был. Мое участие в фильме «Забытая мелодия для флейты» — это просто выигрышный билет. Все мои заслуги, если они есть — а я вообще не умею объективно себя оценивать,— все их надо отнести на счет Эльдара Александровича. У меня ведь было несколько иное впечатление от роли по сценарию. Я думала играть ее иначе. А Рязанов настаивал на своем видении, иногда был очень недоволен, ругался, кричал на репетициях, что все это он уже где-то видел, что надо играть иначе, призывал в помощь Филатова... Но я человек послушный, Рязанову на все двести процентов доверяла и только старалась сделать как можно лучше то, что он требовал.

— Что же его не устраивало поначалу?

— Я думала, что моя роль — более фарсовая, с внезапными перепадами от трагедии и сразу — в эксцентрическую комедию.

— Наверное, вы просто старались идти от себя?

— Я вообще во всех ролях стараюсь идти от себя. И роли всегда хотела играть самые разные, но ближе всего — трагикомедия.

— А классическая драма? «Огни» по А. Чехову — очень необычная работа. После «девушек с характером», после начинавшего уже становиться привычным «догилевского» женского типа — вот так взять на всем скаку и соскочить с коня?.. Мне кажется, не часто актеры так рискуют...

— А я отказалась тогда от всех предложений ради Чехова. Работала, как в театре над ролью,— переписала ее всю. Был блестящий сценарий А. Червинского. Но, к сожалению, результат оказался совсем не таким, каким мог быть. Фильм мало кто посмотрел, роль прошла незамеченной. Может, и к лучшему. У меня там миллион просчетов.

— По-моему, вы слишком самокритичный человек!

— Нет, вы не правы. Я отдаю себе отчет, что уже кое-что умею, но мне тридцать лет, и мой личный опыт меня убеждает, что в кино слишком мало зависит от актера.

— Зависит тем больше, чем больше он может дать искусству. Вы принесли на экран определенный социальный тип, близкий и понятный широкому зрителю. Разве в письмах, которые вам пишут, вы не ощущаете зрительских симпатий?

— Мне пишут очень много писем — от самых трогательных и чистых до откровенно хамских. Это раньше считалось, письмо — значит благодарность. С любовью к актерам сегодня совсем не так просто, как кажется. Перепады от любви до ненависти невероятные. Я знаю, что вызываю раздражение и у многих режиссеров.

— Кино не может быть без «жестоких игр». Главное, чтобы нашлись режиссеры, у которых вы — из их «обоймы». Как в театре — в спектаклях «Говори...» и «Спортивные сцены 1981 года», вы были из «обоймы» Валерия Фокина. Ему нужна была актриса с социальным чувством. Нужен был живой голос среди сытости и застоя. Ему нужна была созданная вами «социальная модель».

— Ну, если быть точнее, социальную героиню во мне первым увидел Марк Захаров. «Жестокие игры» — это был мой дебют на сцене Театра им. Ленинского комсомола. Сейчас-то я понимаю — не будь «Жестоких игр», не было бы и кино. Меня ведь долго пробовали на лирических героинь, тогда я и сама себя таковой представляла, но никто не утверждал. Захаров «вытащил» из меня социальную характерность, тогда и стали снимать... А потом у меня случилась пауза в театре. Я долго не играла, была почти в трагической ситуации, чувствовала — теряю форму и квалификацию. Это же замкнутый круг: не играешь в театре — тебя не зовут на хорошие роли в кино. Соглашалась на все подряд, лишь бы что-то делать. А потом поняла — плохи мои дела. И тут меня пригласил Валерий Фокин, новый главный режиссер Театра им. Ермоловой. Я ему очень благодарна.

— В театре и в кино вы играете сегодняшнее, то, что волнует всех. Я не только о фильме Э. Рязанова, но и о картине А. Сиренко «Обида», хорошей, по-моему, недооцененной работе этого режиссера. Иные актрисы только и мечтают о ролях своих современниц. Похоже, складывается ваша тема в искусстве?..

— Честно говоря, я плохо понимаю то, что критики называют темой... Я, например, не хочу играть только современное. Очень хотелось бы играть в классике. Я часть своего поколения, своего времени, я живу и меняюсь вместе с ним, но о своих проблемах и переживаниях можно рассказать и в классической роли. Я была бы счастлива сегодня сыграть в «Чайке» Чехова. Чем не современная пьеса! Мне нравятся там все женские роли.

— Слушая вас, я почему-то вспомнила — в недавней телепередаче Анатолий Васильев с горечью назвал невоплощенность трагедией современного художника. А вас не тревожит сознание чего-то несбывшегося, несостоявшегося?

— Если считать несбывшимися надеждами многочисленные кинопробы, после которых не утверждали на роль. Всякий раз они оставляли рану.

— Но сейчас, когда растет популярность, процент неудач, наверное, снизился?

— Вовсе нет. Как я переживала за рязановский фильм! Он не скрывал — пробовались другие замечательные молодые актрисы. Он долго решал... Вроде бы привыкла уже к пробам, не отношусь к ним, как в юности,— будто решается твоя судьба. А все равно — не люблю.

— Кто-то из великих мастеров сказал ученику: «Вы человек трудолюбивый и талантливый, не хватает только одного — чтобы вам повезло».

— Девяносто процентов в судьбе актера зависит от удачи. Если в чем есть жестокость нашей профессии — так именно в этом. Вначале, молодой ученицей, воспринимаешь это как должное, но в определенные годы, когда понимаешь, что ты уже взрослый человек, зависеть — это ужасно. Поэтому так часто актеры уходят в режиссуру...

Я не могу долго не играть. Когда-то я сказала себе, что должна наконец остановиться, выждать, заново себя проверить. Я была такая серьезная женщина. Но как только я это решила, мне стало страшно. Я подумала, что останусь без работы, и тут же от испуга набрала маленьких ролей.

— Роль в комедии «Мы веселы, счастливы, талантливы» — из их числа?

— Я просто не могла отказать себе в радости поработать рядом со Станиславом Любшиным и Мариной Нееловой. Это удивительные личности. Неелова была кумиром нашего поколения. Она открыла новый тип девочек «с открытым нервом». Ей подражали. Это после нее считается, если актриса не умеет «делать истерику», то она как бы и не актриса. Уникальный актерский организм — полная самоотдача, какое-то самосожжение в работе!..

— Но это уже та зависимость, которая приятна. Вас радует, что стали активно использовать ваши спортивные возможности, у вас ведь разряд по художественной гимнастике?

— Валерий Фокин не знал об этом, когда ставил «Спортивные сцены...». Я сама предложила включить в роль акробатические, цирковые номера, и он, посмотрев, согласился. А в Ленкоме мои спортивные возможности никого не заинтересовали... Очень хотелось поучаствовать там в музыкальных спектаклях, но это так и осталось мечтой...

Самая огромная беда, что мало кто заинтересован в актерах. Все знают, что у Нонны Мордюковой абсолютный слух и что она невероятно музыкальна. Но часто ли использовали ее в этом качестве? Часто ли мы вообще видим ее на экране? Режиссер, как правило, занят идейными и художественными поисками, годится ему эта краска — возьмет актера, не годится... А годы идут. Я не о себе, а об актерах высочайшего класса. Где люди, заинтересованные в них? Хорошо, если у тебя муж — режиссер. Прекрасный союз — Глеб Панфилов и Инна Чурикова. Инна Чурикова и без Глеба Панфилова — выдающаяся актриса, но это же счастье, когда есть человек, который заинтересован в полном раскрытии всех сторон ее исключительного дарования.

— А что вас больше всего волнует, тревожит сегодня? Совпадает ли то, о чем мечтаете, с тем, что предлагают?

— У меня сейчас пауза — и в кино, и в театре. Только что закончила сниматься в телефильме В. Мотыля по мотивам пьесы А. Салынского «Молва», там совершенно необычная для меня, отрицательная роль. Есть предложения в кино, но они мне не очень интересны...

— У вас, похоже, наступает полоса, когда вы можете оставлять за собой право выбирать роль?

— Я имею пока только одно право — отказываться. А выбирать... Я знаю десятки судеб актрис, «звезды» которых ярко вспыхивали и рано гасли. Но я оптимист — надеюсь на лучшее. Тем более что сейчас появилось ощущение, что возможностей стало больше. У нас в театре есть «лаборатория современной драматургии». Выбирай роль, ищи себе единомышленников, работай самостоятельно...

— И уже есть идеи?

— Бродят потихоньку, но я не тороплюсь. Надо немножко отдохнуть. Последние два года я была избалована работой, и эта пауза, которая у меня сейчас наступила, меня не пугает.

— Не пугает, потому что есть уверенность в завтрашнем дне, в будущей работе...

— Есть надежда... Нет страха, что пауза будет бесконечной, как это когда-то было... Это для меня, может быть, самое важное.

Беседу вела
Наталья РТИЩЕВА.